

(Письмо провинціала изъ Москвы).

Когда первый колоколь Бальдера, отлитый имъ въ союзе съ природой, звенѣлъ въ то время, какъ онъ везъ его на вершину горъ, а самъ Бальдеръ ухаживалъ съ горы и расхибѣлся.—

Какъ-будто горный вѣтеръ, холодный и полный лѣсного аромата, полудлъ въ душную комнату, гдѣ пах

Сюда нельзя приходить для развлечения—как в новый, в интернациональный театр или к Коршу. Здесь нельзя забыть, уйти от жизни. Песни Чехова—это сама жизнь, только сконцентрированная во своей безмыслии, ослепленная величайшей душевной болью и стыдом за человека, каким истомился Чехов.

В трилогиях--борьба, крушение, гибель. У Гауптмана "сокрушительные идеи"—и всё расколетя взволнованные, или подавленные, серьезные, задтые за живое--исключая, конечно, тех, кто ходит в театр для того только, чтобы не отстать от других и рассказать, что видел! "Одинокий" Гауптмана. Эта пьеса была "гвоздем" нынешнего сезона на художественном театре Оне

«Волынь» (Житомир), 1900, 25 февраля, №44, с.2.

большая сторона современной семьи и современной души. Душа усложнилась, внутренний мир их стал тоньше, индивидуальнее, непонятнее для большинства. Для такой души сближение, дружба, одиночество возможно только в том случае, если другая душа находится на одинаковом с ней уровне развития и сходна с ней во вкусах, наклонностях, в манере чувствовать и брать жизнь. Такая встреча редки, — и Ганс-Фогерот, — главный герой пьесы, предстает перед нами в первом действии истомившимся своим одиночеством, с разбитыми нервами, озлобленным и невыносимым для окружающих. Он — ученый, страстно занятый своей научной работой, но он слабый человек, невыносимо страдающий от того, что не с кем поделиться внутренней жизнью, не на кого опереться, во время неудач и нападков литературных врагов. Его молоденькая жена, чистое, беззаветно любящее создание, по развитию своему и по душевному складу лишена возможности понять его и тоже вдоволь успевает настрадаться от его отчуждения и сознания — своей ненужности в течение первых лет своего замужества. Она тоже одинока. Ей мир кажется дутым и неинтересным, ученому мужу. Он не хочет и не может в силу своих настроений принять участие в ее хлопотах по хозяйству. Она тоже не опытна в этом и чувствовала бы себя совсем потерянной, если бы не свекровь, которая к ней относится как жене единственного обожаемого сына и облегчает ей жизнь. Душевная драма уже налицо в первом действии. Но она могла бы глупо тянуться через всю жизнь, эта страшная тихая драма, хроническая язва, кое как заживаемый рак души — одиночество вдвоем, одиночество людей, связанных и юридически, и внутренними обязательствами, обреченных тащить общую тачку рядом, как два каторжника, прикованные друг к другу.

Но вот неожиданно в семье появляется новое лицо — студентка цюрихского университета Анна Марь, кончающая философский факультет. Пройдя через Берлин, она заехала в деревню, где живет Ганс-Фогерот, познакомиться с художником Броуном, гостившим в семье Фогеротов. Семья эта, отличающаяся необыкновенным радушием, приглашает Анну остаться на несколько дней. Она соглашается. С первого же часа знакомства для нее и для Ганса

становится ясно, что они созданы друг для друга. У них одинаковые интересы, одинаковые взгляды на жизнь, одинаковый уровень развития. Кроме этого, их неотразимо влечет друг к другу то необъяснимое чувство, которое называется симпатией и которое между мужчиной и женщиной, если они не стары, так легко, так неизбежно переходит в любовь. Анна и Ганс бесознательно обманывают себя, ничего не видя в своих отношениях, кроме простого интереса друг к другу на почве общих философских занятий.

Но Кэте, жена Ганса, чутьем любящей женщины, догадывается о своем несчастье в первый день появления Анны, и мучается, и плачет, не переставая все четыре действия. Мать Ганса, сначала встретившая Анну тепло, вскоре начинает видеть в ней разрушительницу семейного очага и под конец рьяно пытается поговорить с ней наедине, прося оставить их дом. Анна глубоко оскорбленная уезжает. Перель отъездом она долго разговаривает с Гансом о том, как прекрасны, как исключительно желательны для любящих мужчин и женщины братские, чистые отношения. Ганс просит позволения поцеловать ее на прощанье, как сестру. И этот поцелуй объясняет ей много промахов в ее теории (так, по крайней мере, сыграла г-жа Сниппер) — она уходит потрясенная, разбитая — но все-таки уходит. Анна Марь — сильная волей и стойкая духом девушка. Ганс слабее ее. Без Анны, без любви, без опоры жизнь кажется ему страшной. Сейчас же после ее отъезда он убегает из дому и бросается в озеро. Кто виноват?

Если бы Кэте была бы настолько сильной и самостоятельной, чтобы во время посторониться и дать дорогу Анне, — Ганс не утонул бы. Но может быть утонула бы Кэте, сердце которой было бы, все-таки оскорблено и разбито. А если бы и не утонула, ей ведь предстояло бы именно то одиночество, которого боялся Ганс. Таким образом, эта драма касается вопроса более глубокого, чем вопрос о трудности развода и необходимости прочной духовной связи в браках. Вопрос в том, что нужно найти в себе силу и умение любить свое одиночество, не бояться его, в себе самом искать поддержки и силы жить.

Исполняется эта драма с редким ансамблем. Как действующим лицам, можно апплодировать и той компании, где происходили действия: каж-

дый предмет — гравюры, лампы, посуда и мебель имитируют физиономию и создают обстановку, ярко выражающую колорит повседневной жизни. Повседневная жизнь — это тот новый герой, которого не было в прежних драмах.

Там интерес сосредоточивался на выяснении типов, на коллизиях, на эффектных положениях. Теперь — у Чехова, у Гауптмана, у Метерлинка — на фоне, на русло, где протекают события, обращено не меньшее внимание, чем на самый ход драматического действия. Чувствуется уклад жизни, ее дух, ее постоянная сущность, на которой все несладким столкновением вырастает, как плоть на дереве. В заключение прибавлю несколько слов о постановке Метерлинка на сцене охотничьего клуба.

Метерлинковская *L'intime* (незная гостя, «втируша» в настоящем переводе) растянута и скучновата вещь. Но в чтении в ней чувствуется мистический страх смерти, ее постепенное, все ускоряющееся приближение.

Здесь же, в чтении получаса вместе мужской женщины, ее отец, старый старик и дочери двукратно только и дѣлали, что озирались по сторонам, твердяли один и то же слова: слышите? нѣтъ, я ничего не слышу! а за стѣной слышались грубые стуки, кто то бѣгал по лестницѣ. Потом вышла сестра милосердія и поклонилась въ знак того, что больная умерла, послѣ чего всѣ заплакали, закричали и убѣжали со сцены за кудисы.

Какую цѣль преслѣдует подобная постановка Метерлинка — трудно угадать. Если это пародія на новое искусство — то вѣдь и у пародіи есть своя задача — смѣшить, и ее не рекомендует то, что она вызывает скуку. Въ Парижѣ любителями были поставлены года два тому назад гитторная драма Метерлинка, въ томъ числѣ и *L'intime*. И относительно послѣдней даже противники такъ-называемаго декадентства говорили, что впечатлѣніе мистическаго ужаса и таинственности этого часа, когда смерть приближается къ человѣку, — въ *L'intime* захватывает непосредственно и сильно. Здѣсь же было только скучно, а потомъ смѣшно и въ концѣ-концовъ досадно. Въ новомъ искусствѣ есть стороны, заслуживающія серьезнаго вниманія, и если знакомить съ ними публику, — знакомить такъ, какъ это дѣлаетъ художественный театръ.

В. Маршак.